
ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Игорь ШУМЕЙКО

КРОКОДИЛЕР

(литература двойного назначения)

Андрей Щербак-Жуков. Сказки для друзей, бывшие сказки для идиотов.

М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2019. — 100 с.: ил.

Тут книга странная попалась в руки, смешная, двоящаяся. Правда, я даже вообразил себя продавцом книжного магазина. Или — чего стреноживать полет мечты! — самим мерчендайзером. И... стал в тупик. В какой отдел нести? На какую полку выкладывать поступивший товар? «Детская литература»?

Мои милые еноты,
вы зачем — не бегемоты?...
Что ты, что ты, что ты, что ты... -
загадели тут еноты. —
Лучше дайте нам работы,
постирать, погладить что-то...
Хоть лишите нас компота!
Только лишь не превращайте
нас, енотов — в бегемотов!

Ну, допустим. Есть такие детские смешные стишки, что читающие вслух родители первыми громко хохочут (порой под настороженными, испуганными взглядами детей). Например — Заходер, Борис... Рецензируемая Щербака — тоже про зверушек:

У лангуста в глазах пусто,
то ли дело у мангуста...
Немного, совсем немного,
и станет акулой минога...
Один тюлень варил пельмень.
Спросил тюленя ламантин:
А почему пельмень — один? —
Воскресный день, готовить лень,
один тюлень — один пельмень...
Поселились у реки
непонятные зверьки...

Игорь Николаевич Шумейко родился в 1957 году. Автор художественных, историко-публицистических книг, лауреат нескольких премий, в том числе петербургских: «Александр Невский» (2012) и «Лучшая публикация журнала „Нева“» (2013). Роман «Вещество веры» («Нева», 2013, № 9), финалист премии «Независимой газеты» — «Нонконформизм-2014». Живет в Москве.

Вот так увлечешься, листая, и...

Я с карманами пустыми домогаться к ней не мог.
Но зато над ней в пустыне надругался носорог.

Тут подзатыльник от жены и схлопочешь: Ты чего ребенку читаешь!

— Так... мер-чендайзер подсунил как детскую.

— Твой мерчендайзер небось пьет вместе с твоим автором, вот и...

Ладно, переставим книжку на «Взрослую», повесим бирку «18+»... Но двоение остается. В отдел «Поэзия»? Так оказалось, что половина книжки — вполне прозаические рассказы, в духе Феликса Кривина. Не то что, допустим, в газете одной, «НГ-Exlibris» — там все четко разложено: «Поэзия», «Проза», даже страницы у них разные! — а тут...

Но если б только это! Возьмем название книги: «Сказки для друзей, бывшие сказки для идиотов». То ли речь о двух версиях текста: был для идиотов, а потом автор поработал, существенно улучшил, и теперь можно забирать книжку из Кащенко и нести друзьям.

То ли все же... тут речь о друзьях, проделавших противоположный путь по интеллектуальной лестнице человечества?

А фамилия автора? Щербак-Жуков... в глазах по-прежнему двоится. То ли Щербак писал прозу для друзей, а Жуков — стихи для идиотов, то ли для друзей были стихи, а проза — для этих...

Итого, комбинаторика (рецензент по образованию прикладной математик) не даст соврать: число вариантов сочетаний велико.

Рассказы тоже занятные. Один рыцарь упорно желал увидеть единорога. (Мог бы полюбоваться на герб Британии или пачку сигарет «Philip Morris», но рыцарь хотел узреть живого!) Полмира обошел: никто ни сном ни духом. Но в какой-то горной стране стали наконец встречаться люди, выдавшие сего геральдического красавца. Очевидцы, все почему-то одноглазые, и привели рыцаря к пещере. Полез он навстречу своей гордой мечте, и... вспышка. Сидит теперь одноглазый рыцарь дома и радуется: единорог — все ж не банальный двурогий козел.

Но... я опять о своем: двоение в глазах — все ж лучше одноглазой определенности! Так что вернусь к стихам.

Плач крокодила

Кто знал, что будет крокодилом?
Кто знал, что станет страшным львом?
Что будет жить, зарывшись илом,
Иль с дерева смотреть кругом?
Или, как слон, трубить в саванне?
Как носорог, пугать народ?
Иль в грудь стучать по-обезьяньи?
Иль тину мять, как бегемот?
Кто знал, что станет страшным зверем?
Приобретет зубов оскал...
И я не знал, и я не верил...
А ты скажи, ты сам-то знал?

Я, например, до этого года тоже не знал, что стану рецензентом поэтических книг. Стихи публиковал, позже стал их вкладывать в уста героев романов, повестей. Рецензировал нон-фикшн, прозу... набралось, наверно, немало. И вот теперь решил писать

о поэзии и как истинный неофит подобрал себе формат: без литературоведения, но со своим... «встречным маршем». То есть рассказываю о книге и сам чего-то присочиняю *под влиянием*. Наличие/отсутствие этого «влияния», по-моему, и есть самый объективный признак воздействия поэзии, ее качества. Как выражаются в торговле (наверно, и книжной): зашло/не зашло. Летом разобрал одну книгу, у автора очень сложное отношение к Москве, изящная, порой даже веселая социопатия, плюс несколько раз он поминал патриарха Лота. Я и откликнулся восьмистишием:

Не терплю больше этот Содом,
 Тут и жители все: содомиты.
 Знаю, что с ними станет потом —
 Не пророки, но лыком не шить!
 Не хотел их судьбу разделить,
 Переехал, за прессой слежу.
 Скоро-скоро!
 Тут соседи: ОК! Можно жить.
 Да и город уютный... Гомор-ра!

Вставил свои стишки в рецензию, и, представьте, опубликовали. Второй попавшейся под мой рецензентский резец книге я переделал название. В книге Шербака-Жукова меня «зацепил» этот контрапункт: в прозаической части царит единорог, в поэтической — крокодил. Кроме выше цитированного «Плача», есть еще и занятные, я бы их назвал

Размышления у карусели

Почему-то, отчего-то
 Все хотят на бегемота.
 Только дамочка одна
 захотела на слона... — и т. д.
 И уж не нашлось дебила,
 Чтоб хотел на крокодила.

В России, тысячами километров отделенной от ближайших ареалов этих рептилий, крокодил — более культурный, нежели биологический тип. Его несоразмерное присутствие в литературе, фольклоре поразительно. Не видавшие и тени его хвоста соотечественники твердили про «крокодиловы слезы», напевали «По улице ходила большая крокодила...». Целые стаи крокодилов Чуковского, сатирический журнал.

Русская литература включилась в своеобразное «одомашнивание» импортного страшилища. У Чуковского он от злого глотателя солнца идет в помощники Айболита, в борцы за гигиену. А наш Гена уже — чистый ангел в сравнении с ихним Данди. Поэты еще более вольны в этой литературной евгенике. Александр Еременко: «Я мастер по ремонту крокодилов, / окончил соответствующий ВУЗ».

И вот последнее (по времени) слово: «Кто знал, что будет крокодилом?» Это же — о неведомой Судьбе, вдруг одевающей нас в зеленую чешуйчатую броню и устанавливающей на наших плечах сильную и жадную пасть. Автор сочувствует: пред силой Судьбы мы все равно беспомощны. И не сведущи: «А ты скажи, ты сам-то знал?»

Но это сочувствие не отменяет опасения: «И уж не нашлось дебила, / Чтоб хотел на крокодила». Здесь я и подключаюсь с доистолкованием. Ведь на современном жаргоне «крокодил» не только: боевой вертолет, символ националистов, но и опаснейший из наркотиков дезоморфин. Подсевшие на него получают зеленую (откуда и название)

шелушающуюся кожу, быструю гангрену, разрушение иммунной и так далее (очень недалеко далее).

Так что Щербак-Жуков, описывая зверей парковой карусели, как истый поэт подсознательно угадал еще одно значение для «не желавших *сесть на крокодила*». Это мое доистолковывание. А досочинение — см. заглавие рецензии.